

лемы терминологического порядка. Очевидно, не всегда оправдан простой перенос категориального инструментария из исследовательских работ по истории эллинической колонизационной практики на финикийскую, поскольку, несмотря на определенную типологическую близость этих процессов, они достаточным образом отличались друг от друга.

Несмотря на большое значение работы специалистов в плане изучения «финикийского вопроса», он еще далек от разрешения. Это явствует уже из того, что не вполне выясненными остаются как общие вопросы финикийской колонизации (причины, цель, характер, периодизация, хронология), так и конкретные, такие, как организация финикийской колонизационной практики (участники, их состав и организация, пути и средства экспансии), вопросы типологии финикийских колоний и проблемы их внутреннего развития на каждом конкретном этапе истории, проблемы внешних контактов западнофиникийских колоний, их связей между собой, с туземцами, греками и этрусками, проблема водораздела между финикийской и карфагенской колонизацией Запада. Наконец, заключительным можно считать вопрос о сущности ориентализма и особенностях его проявления в центральном и Западном Средиземноморье.

Только посредством решения проблем, поднятых на симпозиуме и отмеченных в качестве перспективы изучения «финикийского вопроса»³⁴, можно выяснить подлинное значение финикийской колонизации Средиземноморья как историко-культурного феномена. Видимо, это станет возможным также лишь после того, как произойдет объединение усилий специалистов по этим проблемам с исследователями другой, не менее значимой для истории древнего Средиземноморья проблемы — греческой колонизации.

В. И. Козловская, А. Ю. Согомонов

³⁴ Отметим, что ведущие специалисты сами отметили наличие ряда серьезных лакун в поднятом ими «финикийском вопросе». См. Abschlussdiskussion (MB, S. 445—450); Nachwort (MB, S. 451—455).

C. BRICHNE, M. LEJEUNE. *Corpus des inscriptions paléophrygiennes*. T. I. Texte, p. 297; T. II. Photos, 133 planches. Paris, 1984

Рецензируемый «Корпус старофригийских надписей» — работа, которую давно ждали ученые различных специальностей: исследователи древнебалканских языков и культур, индоевропейцы, палеографы и историки письма. Сложность предпринятого издания потребовала от К. Брикса и М. Лежена почти 15 лет для его окончательного завершения. Составление общего плана труда и его редактирование осуществлялись при участии Э. Лароша. Большая часть надписей была проверена издателями по оригиналам (это относится ко всем памятникам старофригийской письменности, находящимся ныне на территории Турции), что же касается немногочисленных памятников, хранящихся в европейских музеях, они сверялись по фотографиям.

Издание состоит из двух томов. Первый том содержит прориси, транслитерации, а также разного рода комментарии и конкордансы; во втором томе даны фотографии памятников, к сожалению, не всегда достаточно четкие, хотя во многих случаях и служащие полезным подспорьем для читателя. Более длинные надписи представлены во втором томе не только фотографиями общего вида памятника, но и воспроизведены более крупно отдельные части надписей. В основном (первом) томе надписи расклассифицированы по географическому признаку, на основе которого введена рациональная и удобная «открытая» нумерация. Выделены следующие ареалы распространения надписей (в скобках указан принятый в работе код): Западная Фригия (без «города Мидаса») (W), «город Мидаса» (M), Центральная Фригия без Гордиона (C), Гордион (G), Вифиния (B), Птерия (P), Тианида (T). Отдельной группой даны нелокализованные памятники («Documents divers» — Dd). В рамках каждого региона описываются сначала лапидарные надписи (номера — 01, —02 и т. д.), затем — instrumenta (номера —101, —102 и т. д.). Таким образом, новые находки не приведут к хаосу в нумерации.

Каждой региональной группе надписей в корпусе предпосланы подробная карта с указанием расположения памятников, палеографическая таблица и краткое описание памятников в целом. Относительно каждой надписи сообщается подробнейшая (по лаконично поданная) информация: местонахождение памятника, описание объекта, на

котором выполнена надпись, ее датировка (которую пока, как правило, затруднительно дать исходя из палеографических соображений и которая — когда это возможно — определяется по косвенным археологическим свидетельствам), литература с указанием предшествующих публикаций и комментариев, воспроизведений и аналитических исследований, прорись, транслитерация и ее обоснование, подробный палеографический и краткий историко-лингвистический комментарий. В конце первого тома читатель найдет конкорданс, устанавливающий соответствие между нумерациями издателей, И. Фридриха, О. Хааса и В. П. Нерознака, довольно несовершенные и неполные указатели фригийских форм (прямой и *a tergo*), а также сводную палеографическую таблицу и ключ к фотографиям второго тома.

Свод старофригийских надписей вводит в научный оборот качественно новые данные об этом малоизученном языке, притом — в огромном объеме. Исключительная тщательность издателей и аналитический подход к материалу привели к появлению очень большого числа новых чтений, убедительность которых несомненна. Эти чтения, естественно, дают в руки лингвистов новые, ценнейшие данные о структуре и словаре старофригийского языка, нередко целиком отменяя принятые ранее интерпретации, в том числе считавшиеся безусловно верными. Некоторые достижения следует отметить и в историко-лингвистическом анализе надписей, хотя здесь и обнаруживается больше спорного. Что же касается старофригийской палеографии, не будет преувеличением сказать, что в этой области издателями создана (впервые в науке о фригийцах) полноценная научная дисциплина.

Таким образом, благодаря усилиям К. Брикса и М. Лежена наконец появились необходимые предпосылки для обоснованного сплошного анализа старофригийских надписей в историко-лингвистическом плане и серьезного языковедческого описания старофригийского. Авторы данной рецензии непосредственно после выхода в свет труда К. Брикса и М. Лежена поставили перед собой задачу последовательного лингвистического изучения изданных надписей и в настоящее время подготовили к печати «Очерк языка старофригийских надписей», в котором соответствующие вопросы рассматриваются достаточно подробно. Здесь же представляется целесообразным остановить внимание лишь на нескольких надписях и показать на их примере достижения издателей и потенциальные возможности дальнейшей интерпретации, заложенные в старофригийских текстах.

Остановимся прежде всего на интересной надписи из Гордиона (G—02), выполненной на плите из белого известняка и датируемой (весьма неопределенно) временем от VI до IV вв. до н. э. В правой части плиты находится изображение двух стоп, окаймленное надписью. Сама надпись состоит из трех частей, которые издатели читают следующим образом:

A	agartioi iktes adoikavoi
B	iosoporokitis[i
C	kakoioitovo podaska—{

Данная транслитерация в целом полностью подтверждается и приводимой издателями прорисью, и достаточно четкой фотографией. От последнего знака строки C сохранилась лишь вертикальная черта, находящаяся у самого края обломленного камня. Комбинаторно-лингвистические соображения заставляют нас предполагать здесь *ḱ* (точка под буквой означает, что соответствующий знак плохо читается), что вполне возможно исходя и из палеографических соображений. Данные К. Брикса и М. Лежена исключают прежнее прочтение первого слова строки A как *agart̄iōi*, а конца строки C как *ḱe* (и далее, последнего знака перед обломом как *ḱ*), что, конечно, меняет и лингвистическую интерпретацию соответствующих мест.

В первой строке безусловно выделяется личное имя посвятителя *iktes* в им. пад. ед. ч. Это имя не только имеет прозрачные малоазийские параллели, но и было, видимо, достаточно распространено у фригийцев, о чем можно судить по надписям G—264 (где содержится начало имени *ik*) и G—273 (сокращенное написание имени обладателя — *ik*). Так же безусловно определяется форма дат. пад. ед. ч. в *agartioi* и *adoikavoi*: попытка видеть в первом из них форму им. пад. мн. ч.¹ не находит себе достаточного оправдания ни в синтактико-семантической структуре надписи, ни в старофригий-

¹ Нерознак В. П. Палеобалканские языки. М., 1978, с. 96.

ской грамматике, где не засвидетельствовано ни одного случая им. пад. мн. ч. существительных на -oi. В данном случае обе формы — имена адресата надписи, вторая из них, возможно, патроним того же типа, что βοποκαυα (M—01c), соотносительное с личным именем βοποκ (W—01a). «Непроективная» последовательность 'дополнение + + подлежащее + дополнение' находит мало аналогий в других надписях. Что же касается основы adoikavo-, то она неоднократно встречается в старофригийском (ср.]doikavos в G—146 и]doikay[в G—153).

В строке B членение надписи на слова определяется высокой частотностью относительного местоимения ios и наличием в ряде других надписей указательного местоимения si (ср. M—01b, M—01d, B—01). Остающаяся в результате выделения этих слов форма orotokiti проблематична в чисто этимологическом плане (и, возможно, содержит в начале какой-то префиксальный комплекс или наречие), но бесспорна семантически (аналогия с новофригийскими надгробиями показывает, что данный глагол обозначает какой-то способ нанесения ущерба памятнику или усопшему) и грамматически: это 3 л. ед. ч. настоящего времени, ср. deiati 'дает, посвящает', dakati 'устанавливает', nati 'ведет'. В местоимении si мы склонны видеть скорее продолжение и.-е. основ *so-, *sjo- (ср., в частности, имеющиеся от этой основы feminina на *-i), чем отражение *k̂o-, *k̂jo-, поскольку выбор той или иной интерпретации не меняет существа дела, а объяснение из *k̂(i)o- было бы е д и н с т в е н н ы м в материале надписей указанием на возможную сатемность старофригийского (при наличии ряда противоречащих примеров), см. также ниже.

Наибольший интерес представляет, безусловно, строка C. Изображение на плите конечно, сразу же подсказывает понимание podas, следующего после интерпункции, как им. или вин. пад. мн. ч. от индоевропейского названия 'ноги', 'стопы'. Мы, однако, думаем, что с этим изображением содержательно соотносится и начало строки, которое мы членим как kakoio itovo. Для корректной трактовки этого сочетания (как грамматической, так и смысловой) необходимо, чтобы читатель располагал некоторыми сведениями историко-фонетического характера, которые, как кажется, впервые отмечаются здесь. Во-первых, в интервокальной позиции и.-е. *s в старофригийском было утрачено (в отличие от конца и начала слова, где — за вычетом положения перед *v оно сохраняется), ср. хотя бы многочисленные сложения с ей- 'благой, хороший' < и.-е. *esu-. Во-вторых, особый фонологический статус ст. фриг. у и v (дополнительно распределенных с i и u, что хорошо отражено в графике) привел, с одной стороны, к их неустойчивости в позиции между гласными, а с другой — к появлению их в гиатусе (в зависимости от тембра гласных выбирался и соответствующий сонант). Сказанное позволяет нам грамматически охарактеризовать kakoio itovo как согласованные формы род. пад. прилагательного и существительного, причем форму на -oio следует понимать как продолжение *-osjo, в то время как для формы на -ovo (из более раннего *-oo) напрашивается объяснение из *-oso. Таким образом, положение с родительным падежом в старофригийском разительно напоминает архаический греческий, где также сосуществуют продолжения *-osjo и *-oso (гомер. -oio и -oo из *-oso), с той лишь разницей, что в старофригийском употребление соответствующих показателей функционально распределено: формы на -oio имеют лишь прилагательные ².

То, что в kakoio itovo мы имеем формульное выражение, доказывается не только повторением той же структуры в P—04: kakoio i[(с частым в старофригийском варьированием u/o) и наличием антонимической конструкции evvuio itovo в P—01, но и тем, что у данного сочетания есть полное соответствие за пределами фригийского — в гомеровском греческом, где имеется известная формула κακὸς οἶτος 'злая судьба'. В свете общепринятой этимологии греч. οἶτος (распространяемой теперь и на фриг. tito-), связанного с и.-е. *ei- 'идти', ясно, что употребление этой формулы в соседстве с изображением ног — не случайность. Очевидно, для автора надписи и изображения еще не была утрачена внутренняя форма слова itovo.

² За пределами данной надписи как продолжения *-oso встречаются не только формы на -vo (gelavo, atevo, kopovo, itovo), но и формы на -o (modro, род. пад. от названия фригийского города Μῶδρα), также реально отражающих -oo, поскольку старофригийская графика не терпела стечения одинаковых букв в рамках одного слова (-o, однако, может отражать и стяжение *-oo).

Все сказанное позволяет рассматривать данную надпись как смысловое целое. Ее примерный перевод: «Икт — Агартию Адойкаву. Кто причинит вред (?) этому, (тому) злые/дурные шаги злой судьбы».

Следующая надпись, на которой хотелось бы здесь остановиться, — ранняя надпись на скальном фасаде из Западной Фригии (W—01b). Новое чтение издателей внесло лишь некоторые поправки в принятую ранее транслитерацию:

ıyosait materey eveteksetey ovevin onoman da \checkmark et la \checkmark kedokey venavtun avtaı materey

Не останавливаясь на ошибках в предшествующих толкованиях, заметим сразу, что целый ряд форм и основ, содержащихся в надписи, был идентифицирован верно. Так, в *yos* первой строки правильно усмотрено относительное местоимение³ (ср. *ios* выше); сочетание *esait materey* истолковано как дат. пад. указательного местоимения *esai* и существительного *materey*⁴ (можно лишь заметить, что за указательным местоимением следует энклитика *t*, отражающая *ti*, сохранившееся в новофригийских надписях, а основа *matere-* склоняется, как и в других случаях, по атематическому типу — в тематическом типе имели бы *-au*); в целом, на уровне этимологических сближений (но не грамматической интерпретации) следует принять и понимание *ovevin* как указательного местоимения (дальнего дейксиса), *onoman* как соответствия греч. $\delta\nu\omicron\mu\alpha$ 'имя', *da \checkmark et-* как формы глагольного корня **dhē-* с велярным расширителем⁵. С начала века в науке принято и сопоставление форм *venavtun* и *avtaı* как рефлексивного и притяжательного местоимений с греч. $\acute{\epsilon}\alpha\upsilon\tau\omicron\nu$ и $\alpha\upsilon\tau\acute{\eta}$ ⁶.

Тем не менее в надписи оставались и куда более трудные, «темные» места, которые определяли и неудачи в интерпретации текста как целого, что хорошо видно из предлагавшихся переводов: «*Vivus huic matri (et) sibi exculpit, eisdem nomen fecit... sibi (et) suae matri*»⁷ — «То, которое положил матери, родила ему его имя, сделает она и как я сделал сам своей матери»⁸.

Надпись представляет собой сложноподчиненное предложение, начинающееся с придаточного относительного (до слова *da \checkmark et*, выступающего в роли сказуемого, включительно), подлежащее которого — *yos*. В качестве прямого дополнения при глаголе выступает сочетание в вин. пад. *ovevin onoman* 'это имя', а сам глагол имеет форму имперфекта (в отличие от форм настоящего времени с первичными окончаниями, перечисленных выше), ср. еще *asperet* (B—01), *deiket* (P—06) и т. п. В целом группа сказуемого восходит к древней индоевропейской формуле со значением 'устанавливать имя', о которой неоднократно писали в научной литературе⁹. Косвенное дополнение в придаточном предложении выражено группой в дат. пад. *esai-t materey eveteksetey*, где *eveteksetey* — склоняющийся по атематическому типу характерный эпитет Богини-Матери с начальной морфемой *ev-* (см. о ней выше), ср. другие эпитеты того же типа: *evkobeı* (B—01), *evtevey* (B—03). Таким образом, если принять предположение В. П. Нерознака об этимологической связи корневой морфемы в *eveteksetey* с греч. $\tau\acute{\iota}\mu\omicron$ 'рождать', общий смысл придаточного предложения можно выразить таким образом: «(Тот), кто дал такое имя благорожженной (Богине-)Матери».

В главном предложении подлежащее отсутствует. Сказуемое выражено группой *la ke dokey*, где собственно глаголом является *dokey*, в котором следует видеть тот же корень, что и в *da \checkmark et*, но с другой огласовкой. В *dokey*, как и в *aeı* (B—01), *aoı* (B—03) и т. п., естественно видеть 3 л. ед. ч. опатива на *-e/oı* (другой показатель опатива — *-toı*). Что касается *ke*, то эта частица многократно встречается в надписях и выполняет функцию факультативного показателя опатива. Наконец, *la* представляет собой показатель приглагольного отрицания, аналогичное по своей роли и.-е. **mē* и имеющее специфическое соответствие в анатолийском (другой слу-

³ Нерознак. Ук. соч., с. 78.

⁴ Haas O. Die phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia, 1966, S. 195.

⁵ Ibid.; Нерознак. Ук. соч., с. 78—79.

⁶ Литературу см.: Haas. Op. cit., S. 196.

⁷ Ibid., S. 195.

⁸ Нерознак. Ук. соч., с. 77.

⁹ См., в частности, Иванов Вяч. Вс. Древнеиндийский миф об установлении имен и его параллель в греческой традиции. — В кн.: Индия в древности. М., 1964; Мифы народов мира. Т. I. М., 1980. (Имена), там же литература.

чай употребления Ia находим в В—03). Прямым дополнением к сказуемому служит вин. пад. ед. ч. *venavtun* 'такое же', 'то же самое' (имя), а косвенным — группа в дат. пад. ед. ч. *avtau materey* 'своей матери'. Теперь поддается пониманию и общий смысл надписи: «Кто дал такое имя благорожженной (Богине-)Матери, да не даст такого же (имени) своей матери». Надпись, следовательно, предостерегает от употребления сакрального эпитета богини по отношению к человеческому существу.

Еще одна надпись, которой хотелось бы здесь коснуться, весьма кратка, но, на наш взгляд, очень существенна. Эта надпись (G—136) выполнена на алебастровой фигурке сокола и относится, видимо, к VI в. до н. э. Текст гласит:

tadoy iman bagun

Для формы *bagun* уже давно предложена верная интерпретация: это, несомненно, вин. пад. ед. ч. от основы, этимологически тождественной др. инд. *bhāga-* 'часть', 'доля'. Достаточно определенно можно высказаться и относительно *tadoy*, в котором мы видим графический вариант *datoy* (W—01a), 3 л. ед. ч. опатива на -(t)ou от корня *dō- 'давать'. Сложнее обстоит дело с формой *iman*, одним из самых частотных существительных в старофригийском. В грамматическом плане *iman* в данной надписи естественно понимать как им. пад. ед. ч. Анализ других старофригийских надписей, в которых появляется слово *iman*, позволяет предположить, что это было обозначение некоторого сакрализованного предмета, который, будучи посвящен божеству, приобретал вследствие этого магическую силу, становясь в определенном смысле субститутом данного божества. В таком случае кажется перспективной этимология, связывающая *iman* с хеттским термином *ḫimma-*, который Вяч. Вс. Иванов переводит как 'культовое подобие'¹⁰. Эта этимология хорошо согласуется и с тем, на каком объекте выполнена надпись, поскольку для *iman* мы можем предполагать значение, близкое к значению хеттского слова: 'культовое подобие', 'изображение того или иного божества'. По всей видимости, данная надпись именует этим словом саму статуэтку сокола, ожерелье на шее которого, как считают, указывает на то, что птица является священным символом Богини-Матери. Таким образом, в целом надпись может быть истолкована так: «Пусть даст (это) изображение (= *iman*) счастье!».

В некоторых случаях анализ прорисей и сверка с фотографиями приводят к уточнению чтений отдельных знаков. Так, надпись из Гордиона на фрагменте верхней части большого сосуда (G—113) у издателей транслитерируется как...] *astoipitave*[... Однако знак, принятый за а, в действительности является лигатурой *io* (ср. сходную ромбовидную форму второго о в этой же надписи), и вся последовательность приобретает следующий вид: *ios toi pitave*[... Надпись, очевидно, представляет собой начало распространенной в старо- и новофригийском формулы с вводящим относительным местоимением *ios* и переводится так: «Кто этому сосуду...». Ср. начало другой надписи на пифосе (G—117): *ios ais*[

Любопытна впервые публикуемая надпись из Гордиона на небольшой статуэтке, изображающей антропоморфное существо (*petite idole anthropomorphe*) — G—178, VI в. до н. э.): *eumivaki* [Издатели приводят надпись без словораздела, однако несомненная связь текста и изображения позволяет читать ее как *eumi vaki*, где *eumi* — 1 л. ед. ч. наст. вр. от глагола со значением 'быть', ср. н. фриг. императ. буд. вр. *estou*, возможно, к и.-е. *ei- 'идти' → 'стать, быть'¹¹, если допустить для старофригийского сходное семантическое развитие, или же к и.-е. *es- 'быть', но последнее объяснение связано с трудностями фонетического характера (*-s- в старофригийском не исчезал перед согласным). Что касается имени *vaki*, оно может быть сопоставлено с лид. *vakiva-* (ср. еще греч. βᾶκχος).

Заслуживают внимания две надписи из Западной Фригии, которые имеют четкую метрическую структуру.

¹⁰ См. Иванов Вяч. Вс. Проблема происхождения и в начальном слоге в балтийском в свете этимологических данных. — В кн.: Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980, с. 81; см. также Oettinger N. Die militärischen Eide der Hethiter. Wiesbaden, 1976, S. 61—64.

¹¹ Haas. Op. cit., S. 49.

Наскальная надпись W—08 содержит четыре строки: 18ates agomoi 2^s ̣ atatae alus si ̣ eto 48ateles 8a8a. В ней присутствуют некоторые специфические знаки, которые оказалось возможным идентифицировать.

Из сравнения западнофригийской формы 8a8a с личным именем Baba-, известным из других надписей, следует, что знак 8 был графическим вариантом b; важно отметить, что сам знак b в надписях Западной Фригии отсутствует. Все слова из W—08 со знаком 8 — личные имена (8ates, 8a8a либо их производные (8ateles — видимо, патроним¹²). В слове sa ̣ tat издателями не идентифицирован третий от начала знак, который напоминает *копну* других малоазиатских алфавитов. Однако соотнесение знака 8 данного текста с b заставляет думать, что ̣ может быть окказиональным вариантом знака ɣ, выполненным в той же манере, что и 8. Синтаксически sartat — прямой объект глагола edaes 'посвятил' и, вероятно, содержит суффикс -tat, параллельный др.инд. -tāt-, иран. -tāt-, греч. -τῆτ-, лат. -tāt-. Ст. фриг. sartat (<*sarptat?) находит прямые аналогии в позднеанатолийских языках, ср. лид. ēn-sarbt(a)- 'высечь (надпись)', лик. zrbbla 'надпись', к и.-е. *ser-p- 'вырезать'.

Форма si ̣ eto (вариант — si ̣ ido в G—105) — императив буд. вр. от глагола *sēidh-, ср. др. инд. sādih- 'идти, вести к цели', греч. ἴθός 'прямой, правый', ἴθω 'идти прямо'. Ст. фриг. alus (им. пад. ед. ч.) — эпитет или титул; если принять связь с и.-е. *alu- (греч. ἀλλύω 'быть вне себя, неистовствовать', хет. алца- 'волшебство, магия'¹³, лик. (e)lbbē- 'закливание, мольба'), то его возможное значение — 'жрец'.
Перевод: «Батес посвятил надпись Агому. Да преуспеет Баба(с), сын Батеса, жрец!».

В метрическом отношении надпись организована таким образом, что каждая строка представляет собой пятисложник дактилического типа с двумя ударными слогами. Из этого, в частности, следует, что -oi в окончании дат. пад. ед. ч. является дифтонгом, в то время как -ae- в edaes — двусложное сочетание (хотя ст. фриг. ae может также передавать дифтонг ai).

Вторая метрическая надпись из Западной Фригии (тоже наскальная, W—10) представляет интерес и с точки зрения грамматических форм: 1atai edae ge[l]avo vi ̣ ete atevo atoiōs 3alus si ̣ eto das. В этой надписи встречаются род. пад. ед. ч. на vo (см. выше) — gelavo (личное имя) и atevo (личное имя либо апеллатив со значением 'отец'), вин. пад. мн. ч. atoiōs < atoiō- 'предок'. Заслуживают внимания глагольные формы. Ст. фриг. vi ̣ ete — императ. 2 л. ед. ч. *ceid/*cid- 'смотреть, знать' (ср. н.фриг. оптатив 3 л. ед. ч. ouitatou¹⁴). Аугментная форма edae, совершенно очевидно, входит в систему аориста и устроена аналогично 3 л. ед. ч. аориста edaes. Соображения комбинаторного характера и наблюдения над старофригийской исторической морфологией заставляют видеть в этой форме 3 л. ед. ч. аориста страдательного залога на*-ē-.

Перевод: «(Это) было посвящено отцу Геласа. Смотри (знай?) предков отца! Да преуспеет жрец (по имени) Дас!».

Первая и вторая строки надписи — восьмисложные, а третья — семисложная; в каждой из строк по три ударных слога. Словораздел проходит после восьмого слога, т. е. после третьей (неполной) стопы.

Наконец, еще одна метрическая надпись на андезитовой плите происходит из Восточной Фригии (Птерия, P—04a): 1otuvōi vetei etlnaie 2ios ni akenan egeseti 3otir terko[ve-] tekmo[an] 4ot[e ege]seti vebri. Надпись распадается на две формально-смысловые части; первая соотносится со строкой 1, вторая охватывает строки 2, 3, 4. В строке 1 выражение otuvōi vetei, в отличие от Мейстера (BSGW, LXIII, 22), предложившего перевод 'octavo anno', мы понимаем как косвенный объект при глаголе etlnaie¹⁵; otuvōi — дат. пад. посессива от личного имени (ЛИ) Otys¹⁶ (типа

¹² Ср. модель образования патронимов с суффиксом -l- в лидийском: *Gusmani R.* *Lydisches Wörterbuch.* Heidelberg, 1964, S. 36 (где, однако, все формы -l- называются посессивными, хотя наличие патронимов среди них несомненно).

¹³ См. *Tischler J.* *Hethitisches etymologisches Glossar.* I.—Innsbruck, 1977, S. 20 (там же дальнейшая литература).

¹⁴ *Haas.* *Op. cit.*, S. 114.

¹⁵ Нельзя принять точку зрения Мейстера о том, что otuvōi — локатив ед. ч., где otu-<*oktō 'восьмь' с ассимиляцией kt>tt, так как ст. фриг. k в группе ktne имеет обыкновения ассимилироваться, ср. формы anepaktoy, apraktneni и др.

¹⁶ *Haas.* *Op. cit.*, S. 180.

ст. фриг. *bonokaana* от ЛИ *bonok*). *vetei* — атематический дат. пад. аппеллатива *vet-*, сопоставимого с греч. *ἑταῖρος* 'товарищ; человек, принадлежащий к тому же роду/социальной группе' (к и.-е. **sue-* 'свой'; ср. рефлекс этого же и.-е. корня в ст. фриг. *ven* < **suen*). Глагольная форма *etlnaie*, как и *edae* (см. выше), — 3 л. ед. ч. аориста страдательного залога, возможно, от глагола **tel-* 'нести', с суффиксальным *-*ne(i)-*.

Вторая часть начинается с относительного предложения (стк. 2), вводимого местоимением *ios* с последующей частицей *pi* (ср. н.фриг. *ai-u* и др.). Для *akēna* комбинаторно выводится значение 'памятник', которое находит подтверждение в его этимологии (**akēno-* < **ak-* 'острый, остроконечный', ср. др.инд. *aśan* 'камень', греч. *ἀκίνα* < **ak-*-*n-i-* 'шип; стрекало', *ἀκόνη* 'точильный камень', мил. *ekāne* 'памятник; (каменная) плита'¹⁷. *egeseti* — 3 л. ед. ч. будущего времени от глагола *ege-* 'делать' < **ag-*, ср. греч. *ἄγω*.

Строки 3 и 4 устроены синтаксически сходным образом и связаны начальными элементами *zoti-g ... zot[ē...*, параллель которым можно видеть в гомеровских конструкциях типа *ὅτε δὴ ῥα...*, *καὶ τότε ἄρα* «и вот когда... тогда-то...». Заключают строки формы в вин. пад. ед. ч. — *vebru* (стк. 4) 'проступок; вред, ущерб', ср. греч. *ὑβρις*, и *tekmor[* (стк. 3), ср. гомер. *τέκμων* 'предел, конец, грань'. Соображения размера заставляют думать, что в слове *tekmor[* не дописано окончание вин. пад. -*an*; хотя издатели отмечают, что за последним знаком -*r(?)* — край плиты, но нам известны случаи, когда в ст. фриг. не дописывались в конце строки знаки, для которых не хватило места (например, *vte* вместо *vtekup* 'памятник' в В—03)¹⁸.

Глагольные формы в обеих строках предшествуют прямому объекту. В стк. 4 это буд. вр. *egeseti* 'сделает, совершит'; в стк. 3 — *teko[ve-]* (комбинаторно установленное значение — 'нарушать'). Если почти не читаемый последний знак слова — действительно *sigma*, как допускают издатели со ссылкой на своих предшественников, то это — 3 л. ед. ч. аориста без аугмента, подобно ст. фриг. *tiyes* 'он поставил'. Не исключено, однако, что слово могло оканчиваться не на -*s*, но на -*t*, в таком случае перед нами — нормальный ст.фриг. имперфект (с показателем -*t* в 3 л. ед. ч., ср. *tut-tut* 'высек (надпись)', *asperet* 'унес' и др.). В пользу этого как будто говорит и сама семантика фрагмента: из контекста не следует, что действие, обозначаемое глаголом *teko[ve-s/t]*, каким-то образом соотносится с прошлым (см. ниже перевод), но скорее (или в равной степени) с настоящим либо будущим. А именно такая расплывчатость временных границ и характеризует отдельные употребления ст.фриг. имперфекта, что хорошо согласуется с выведением его из и.-е. пильюктива.

Перевод: «(Это) было принесено (?) сородичу Отиса. (Тот), кто сделает памятник, если /когда он нарушит/-л границу, то/тогда он совершит проступок».

Первая и вторая строки надписи — девятисложные, но отличаются распределением ударных и безударных слогов. Третья и четвертая строки — восьмисложные. Более конкретная метрическая характеристика трех рассмотренных выше старофригийских надписей затруднена тем, что неизвестно, какого типа ударение существовало в этом языке и, следовательно, какой принцип — акцентуационный или количественный — лежал в основе ст.фриг. метрической системы. Тем не менее очевидно, что основные метрические схемы этого языка восходят к общиндоевропейским¹⁹.

Как мы уже подчеркивали выше, благодаря изданию корпуса старофригийских надписей в научный оборот введено огромное количество новых языковых фактов. Их рассмотрение, естественно, приводит к определенным выводам общего характера относительно исторической грамматики и ареально-генетической характеристики старофригийского языка. Эти вопросы достаточно подробно рассматриваются нами в ука-

¹⁷ Это же слово было, вероятно, и в новофригийском, ср. *πανταχουαν* 'весь памятник' (Haas. Op. cit., S. 119).

¹⁸ В качестве альтернативы можно было бы допустить, что о в *tekmor* — долгий гласный, который считался за два слога, но у нас нет ни одного примера, свидетельствующего о противопоставлении ст. фриг. гласных по количеству.

¹⁹ См. о последних, в частности, West M. L. Indo-European metre. — Glotta, 1973, V. LI, № 3—4, p. 161 ff., см. также Иванов В. В. Происхождение древнегреческих эпических формул и метрических схем текстов. — В кн.: Структура текста. М., 1980, с. 59 слл.

занной выше работе, подготовленной к печати. Здесь, в рамках рецензии, хотелось бы — в тезисной форме — остановиться на некоторых связанных с этим проблемах.

В науке получил известное признание взгляд, согласно которому фригийский язык имеет тесные связи с армянским. Если ограничиваться данными надписей (а не основываться на значительно более шатких показаниях античных глосс, в которых языковая принадлежность негреческих слов часто может оказаться далекой от точности), от этого взгляда в настоящее время необходимо решительно отказаться. Основанная на некоторых общих эпизодах в исторических судьбах фригийцев и протоармян, гипотеза о специфической языковой фриго-армянской близости (понимаемой вплоть до отождествления) не имеет никаких серьезных оснований, а все общие черты армянского и фригийского (как, например, аугмент) охватывают значительно более обширную языковую зону. Для установления более тесного родства таких данных недостаточно: среди них отсутствуют как раз наиболее важные — совместные инновации армянского и фригийского языков в грамматике и лексике. Между тем таких инноваций фригийские надписи не содержат.

Для непредвзятой оценки ареально-генетических связей фригийского желательно обратиться к списку фонетических, морфологических и синтаксических особенностей этого языка, а также к его лексике и только на этом основании устанавливать отношения фригийского языка к другим индоевропейским. Ниже мы приводим предварительный список таких особенностей.

В области фонетики

1. Неслоговые сонанты, в частности *и, во всех позициях остаются без изменений.
2. Слоговые сонанты развиваются в сочетании с тембром а, причем *п дает ап в позиции перед согласным и в ауслaute, но а в позиции перед согласным.
3. В середине слова, а также в аплауте перед v, утрачивается *s (это, однако, не распространяется на -s- как грамматический показатель, ср. форму будущего времени *egeseti* (P—04a).¹)
4. Звонкая индоевропейская серия представлена звонкими смычными; и.-е. глухие отражаются как глухие, тогда как и.-е. звонкие придыхательные передаются знаками как для глухих, так и для звонких смычных.
5. Все три типа заднеязычных согласных (палатальные, веларные и лабиовеларные) в старофригийском представлены одним типом в каждой серии, т. е. и.-е. *k, *k̂, *k^h > ст.фриг. k, и.-е. *g, *ĝ, *g^w > ст.фриг. g, и.-е. *gh, *ĝh, (*g^wh) > ст.фриг. g/k.
6. Хорошо сохранен унаследованный вокализм. Рефлексы старых кратких и долгих гласных совпали у а и о (при сохранении тембра), но различаются для *е (>е) и *ē (>i).

В области именной и глагольной морфологии

1. В старофригийском представлены основы на *ā мужского рода.
2. Родительный падеж характеризуется показателями -оуо (<*osio) и -во, -о (<*oso).
3. Дательный падеж множественного числа имеет флексию -ois.
4. Морфема -bi < *bhi функционирует как показатель непарадигматических адвербиальных форм.
5. В глагольной морфологии наиболее характерная черта — наличие аугмента, который всегда занимает место непосредственно перед глагольным корнем.
6. Система времен, в основе которой лежит оппозиция презенс: аорист, включает также будущее время (сигматическое) и имперфект, отдельные формы которого по своей семантике приближаются к инъюнктивным.
7. Известен опатив на -e/ou и (вторичный) на -toy. |
8. Императив на *-tō(d) (и.-е. imperat. fut.). |

Наиболее существенное заключение, к которому можно прийти, сводится к следующему: за некоторыми исключениями все специфические черты старофригийской

фонетики, морфологии и словаря²⁰ образуют изоглоссы с греческим, причем либо эксклюзивные, либо такие, в которых греческий принимает участие, что является бесспорным свидетельством их особой близости. Что касается других языков аугментного ареала, и в частности армянского, то необходимо иметь в виду главную особенность, которая отличает их от старофригийского, а именно — отсутствие в последнем ассимиляции палатальных смычных²¹.

В заключение отметим, что наши замечания по отдельным надписям, как и наблюдения более широкого плана целиком подтверждают общую весьма высокую оценку нового старофригийского свода, данную в начале настоящей рецензии. Изданию К. Брикса и М. Лежена присущ строго научный подход: в публикации старофригийских текстов верно соблюдено соотношение между воспроизведением и интерпретацией при том, что последняя — впервые в истории изучения старофригийского — лаконична и содержательна одновременно. Значение данного труда далеко выходит за пределы собственно фригийских исследований; как образец научной строгости и высокого эдичионного качества, как ценный источник сведений о древней культуре Малой Азии, этот труд представит большой интерес и для специалистов по другим индоевропейским языкам, и для историков, интересующихся этим регионом.

Л. С. Баюн, В. Э. Орел

²⁰ Выявлено более 30 эксклюзивных греческо-старофригийских лексических изоглосс, полный список которых приводится в статье, подготовленной авторами рецензии.

²¹ Интересно, что в старофригийском отсутствуют знаки для передачи таких звуков, как *s*, *z*, *ž* и т. п., что для любого сатемного языка в целом невероятно.

F. LE ROUX, CH.-J. GUYONVARCH. La Civilisation Celtique. Rennes, Ogam — Celticum, 1982, 167 p.

Кто такие — кельты? Когда и откуда появились они в Европе? Применимо ли само понятие кельтская «цивилизация»? В чем причина почти полного их исчезновения? Все эти вопросы, стоящие перед учеными вот уже более двухсот лет, до сих пор не имеют окончательного и однозначного решения и до сих пор, говоря о кельтах, употребляют слова «загадка, тайна, секрет». Огромный археологический, историографический, лингвистический и фольклорный материал, накопленный за эти годы, остается по-прежнему лишь материалом, на базе которого возникают разнообразные и часто противоположные друг другу гипотезы. Потребность обобщить их, пересмотреть, проанализировать и по-новому взглянуть на имеющиеся в распоряжении ученых данные назрела давно. Попытка подобного обобщения и одновременно новая и оригинальная интерпретация хорошо известных фактов содержится в книге известных французских кельтологов Франсуазы Ле Ру и Кристиана Гуйонварха, в книге, призванной «не упростить материал как таковой, но представить его в максимально ясной форме» (с. 11). Рецензируемая книга содержит две части: 1. Кельты во времени и пространстве. 2. Духовный мир кельтов.

«Изучение кельтов состоит не столько в открытии новых данных, сколько в правильном использовании данных, уже известных», — справедливо отмечают авторы во введении к книге (с. 11). Свою основную задачу они видят не столько в создании еще одной теории, объясняющей особенности этногенеза и исторических судеб кельтов, сколько в попытке по-новому интерпретировать сохранившиеся источники, в первую очередь греческие и римские свидетельства, во многом поверхностные и тенденциозные; по их мнению, сама система «искажений», которые присутствуют в исторических сочинениях античных авторов, оказывается для современного историка необычайно интересной, так как именно в ней проявляется глубокое типологическое несходство между греко-римской и кельтской цивилизациями. Так, по мнению авторов, наименее поверхностно и наиболее полно описано кельтское общество у Цезаря, однако и ему,